

Свобода и ее границы

Вряд ли можно найти человека, который не мечтал бы о счастье и не желал быть свободным. Более того, свобода, как правило, выступает одной из, если не важнейшей, предпосылок счастья. На уровне обыденного сознания каждый индивид имеет собственное понимание, точнее видение, чувствование свободы, и его, по большому счету, в большинстве случаев не интересуют теоретические размышления относительно данного феномена. Но как только возникает необходимость описать свободу, выяснить ее основания, формы проявления, границы и перспективы бытия, становится понятным, что она является в высшей степени сложным образованием, ускользающим от строгих логических дефиниций. В нашем случае такая необходимость налицо ибо вести предметный разговор о свободе можно лишь очертив более-менее четко специфику объекта исследования.

Начнем с того, что свобода – атрибут человеческого бытия. Иными словами, она – ровесник человека и человеческого общества. Следовательно, свобода имеет исторический характер. Ее содержание и границы всегда предельно конкретны в пространстве и во времени. Одна степень свободы у первобытного человека, участвующего в охоте на зверя и имеющего реальную возможность погибнуть в лапах последнего, и совсем иная у летчика современного истребителя, отправляющегося в боевой вылет и тоже имеющего возможность не вернуться из него. Разный уровень знаний, орудий влияния на окружающий мир, сфер приложения усилий, совершенно разные пределы ойкумены продуцируют свое содержание и пределы свободы. То, что в одних общественных условиях выступает как важная цель человеческих желаний – получить образование, выйти замуж за любимого человека, не таясь ходить в церковь, открыто критиковать правительство и многое другое – в иных имеет статус реальности и далеко не всегда людьми ценится, так как воспринимается как само собой разумеющееся.

Свобода предполагает осознание человеком себя (своих физических и интеллектуальных возможностей, потребностей и интересов, объема освоенных знаний и т.д.) и мира собственного бытия – ближайшего, непосредственного (семья, работа, друзья и др.) и бытия общественного. Притязания свободы, ее границы на уровне каждого индивида в громадной степени зависят именно от степени осознания субъектом ситуации, в которой он находится. Идущее из глубины веков стремление мудрствующих теоретиков, философов в первую очередь, познать самого себя – ни что иное, как попытка определить пределы человеческих возможностей, спроецировать их во вне, чтобы установить, насколько свободен, или, наоборот, несвободен человек внутренне при решении задач, стоящих перед ним. Сказанное имеет непосредственное отношение к диалектике биологического и социального в человеке. Долгое время общество ощущало дефицит знаний по этой проблеме, а к имеющимся относилось, да и относится нередко сейчас, без должного уважения. В результате при выборе профессии, сферы трудовой активности, круга общения люди довольно часто не учитывают собственные врожденные и приобретенные качества. Тем самым невольно ограничивают рамки своей же свободы.

Свобода – феномен многомерный, многоаспектный. Она принадлежит к кругу тех образований, которые нельзя обосновать научно. Ее «коллегами» здесь есть не менее важные для человека измерения – счастье, любовь, смысл жизни, добро, преданность, патриотизм и др. И хотя свободу можно и нужно интерпретировать в контексте науки, строго научно «просчитать» ее не удавалось никому. Пожалуй, лишь философия, используя свою методологию и понятийный аппарат, в состоянии разносторонне исследовать свободу как самостоятельный объект, определить ее место и роль в жизнедеятельности человека.

Все, чего «касается» свобода, к чему она имеет отношение, очень трудно прогнозируется. На этой ее особенности в середине прошлого века акцентировал внимание немецкий философ-экзистенциалист К. Ясперс. И совсем не важно, что выступает предметом ее «приложения» – дипломатические переговоры, покупка товаров в магазине, любовные отношения, проектирование самолета

либо еще что-нибудь. Свобода слабо управляема. Нужно обладать высокой внутренней организованностью, сильной волей, чтобы уметь ею распоряжаться. История изобилует примерами, когда свобода, добытая в тяжелой борьбе или просто «свалившаяся с неба», становилась для субъекта либо тяжелой ношей, либо толкала его на безрассудные поступки, либо порождала вседозволенность. Психологи, исследующие мотивы преступлений людей, вышедших из тюрем и лагерей после длительного пребывания там и совершивших их вновь буквально через день-два после освобождения, очень часто указывают на неспособность бывшего заключенного пережить «тяжесть» приобретенной им свободы, находящей воплощение во сто крат возросшей ответственности. Не будучи в состоянии лично, в первую очередь психологически, адаптироваться к новым границам ответственности и не умея правильно распорядиться полученной свободой, такой человек стремится обратно – в привычную ему среду, где свобода минимальна, но зато минимальна и ответственность. Практически все, за редчайшим исключением, участники национально-демократических движений начала 90-х годов XX ст. в бывших советских республиках (Прибалтика – особый разговор), так яростно желавшие свободы и создания на этих территориях независимых государств, получив ее, так и не смогли умело, с разумом ею распорядиться. Разорванные экономические связи, таможенные барьеры, пограничные посты, визовый режим и многое другое – обратная сторона бытия свободы, если люди не готовы и не умеют жить в новой среде, где границы свободы совсем иные, чем это было недавно, и иная ответственность.

Кроме внутренних механизмов, существующих в человеке и позволяющих ему умело или не совсем распоряжаться свободой, использовать ее для достижения поставленных целей, имеются и механизмы внешние. Они задаются обществом, прежде всего государством. Его тип, форма правления, государственная идеология в огромной степени определяют границы предоставляемых свобод. Устанавливаемые государством запреты и даваемые им разрешения – табу и согласия – это внешние параметры свободы, задающие пределы человеческого поведения и деятельности, не выходя за которые субъект не рискует быть ос-

тановленным, а в ряде случаев и наказанным государством. Именно в этом контексте можно говорить о свободе слова, печати, вероисповедания, перемещения и т.д. Эта, внешне заданная свобода, на уровне субъекта приобретает форму, обозначаемую понятием «права», как вариации допустимых, санкционированных изъятий сознания, поступков и действий. Чем больше прав у субъекта и чем четче, однозначнее они выписаны, тем демократичнее государство, тем меньше принуждения и больше свободы. Интересной в этом плане представляется философско-правовая концепция, объясняющая основные права человека – на жизнь, свободу, мир, вероисповедание и др. – его естественной природой. Будучи очень популярной в Новое время, она сохранила свою значимость и сейчас. Каждое право, которое имеет субъект (вступить в брак, достигнув определенного возраста, представлять интересы фирмы на переговорах и подписывать документы, получить неоконченное или полное среднее образование, Магдебургское право для городов, носить оружие и применять его при задержании преступника, избирать и быть избранным в органы власти и др.) обеспечивает ему определенную свободу действий.

Свобода – это способность распоряжаться своими мыслями и действиями в соответствии с собственными потребностями и интересами, на основе знаний, которыми владеет субъект. Взаимосвязь потребностей, интересов и знаний в свободе внутренняя и органическая. Одновременно свобода – базовая, фундаментальная предпосылка удовлетворения субъектом его потребностей и интересов. Кто не знает крылатого выражения, что «знания умножают печаль». Действительно, в жизни каждого человека случаются моменты, когда полученное знание приносит боль (например, о супружеской измене, о «страшном» диагнозе врачей, об отсутствии условий реализации заветных желаний и т.д.). И хотя, несомненно, прав Сократ в своем тезисе – «я знаю, что ничего не знаю», расширение объема информации, которой владеет субъект, способствует расширению границ его свободы. Потому-то «знание – сила» (Ф. Бекон). Несмотря на то, что ставка философов Нового времени на науку не оправдала до конца их надежд, а в условиях XX ст. даже разочаровала общество, ни у кого не вызыва-

ет сомнения мысль, что без знаний общественный и личный прогресс невозможен. Взаимосвязь знаний и свободы имеет схожий, диалектический характер.

Трудно, практически невозможно представить свободу без воли. Последняя – своеобразная точка отсчета, исходный пункт внутренней свободы индивида. У человека волевого границы свободы всегда больше, чем у безвольного. Особую роль воля играет тогда, когда свободу необходимо защищать. Несмотря на различные, нередко противоположные (детерминизм и индетерминизм) подходы к воле, существующие в науке и философии, поразительное единодушие наблюдается во взглядах относительно того, что воля в человеческом поведении, кроме остальных, выполняет побудительную и сдерживающую функции. Любому практическому действию всегда предшествует волевое усилие. В структуре воли много места занимает долженствование. Оно удивительным образом соединяет «хочу» и «буду». Можно о многом мечтать и многого желать, но никогда не воплотятся цели на практике, если для этого не прилагать усилий. Воля – своеобразное «вынесение» собственного Я за его пределы. По своему характеру она всегда активна. В литературе под волей понимают человеческую способность активно добиваться поставленных целей, преодолевать существующие преграды.

Свобода возможна потому, что действительность, в которой мы пребываем, многообразна, многолика и поэтому не детерминирует человеческую жизнедеятельность жестко, однозначно. Вещи, явления, процессы, окружающие нас, обладают большим спектром внутренних возможностей, предоставляя тем самым субъекту в каждом конкретном случае определенное число степеней свободы (вариантов поведения). Чем разнообразнее среда человеческого бытия, природная и общественная, тем больше у индивида шансов себя реализовать. Обязательной предпосылкой свободы выбора есть объективное наличие того, из чего можно выбирать. И даже когда обстоятельства предоставляют человеку не лучшие варианты выбора, он из двух зол старается выбрать меньшее. Эта ситуация довольно часто обыгрывается во многих сказках, когда путник, добравшийся до развилки дорог, вынужден сделать выбор – в каком направлении

двигаться дальше. При этом каждая дорога сулит неприятности: прямо пойдешь..., налево пойдешь..., направо пойдешь... . Сказанное – свидетельство того, что можно говорить об онтологических основаниях свободы. Но не менее важны ее гносеологические основания.

Свободы никогда не бывает много. Человек так устроен, что ему всегда хочется расширить границы, в пределах которых он может самостоятельно принимать решения и действовать, «не оглядываясь по сторонам», не боясь быть кем или чем-либо одернутым, остановленным. Точно так, как лев, тигр, медведь или другое животное охраняет и рьяно защищает территорию своего обитания, человек всегда болезненно реагирует на любые покушения на свою свободу. Она принадлежит к высшим ценностям человеческого бытия. Ради ее защиты, как своей собственной, так и свободы семьи, государства, нации, человек нередко готов отдать жизнь. Жертвенность из-за свободы – одна из сюжетных линий всемирной человеческой истории. При этом важно помнить: свобода потому и обладает ценностью, что ее границы всегда подвижны. А факторов, от которых они зависят, – множество.

Практически все знают, что абсолютной свободы не бывает. В каждом конкретном случае она относительна. Регламентация свободы – вопрос очень «тонкий» и сложный. Принципиально важно, чтобы, реализуя собственную свободу, субъект своими действиями не ограничивал свободу другого. Добиться этого – крайне сложно, а во многих случаях вообще невозможно. Вторжение одного субъекта (индивида, группы людей, класса, государства и т.д.) в силовое поле свободы другого субъекта часто ведет к обидам, разочарованиям, конфликтным ситуациям. Но это отнюдь не означает, что в обществе не должно быть механизмов, посредством которых на законном основании нельзя было бы ограничивать свободу. В противном случае срабатывает принцип «анархия – мать порядка». Вседозволенность не имеет ничего общего со свободой ибо по своей сути она игнорирует, отрицает либо свободу вообще, либо предполагает максимум свободы, которая на проверку оказывается псевдосвободой, иллюзией свободы для одних и полным отрицанием свободы для других.

Рассуждая о философских измерениях и границах свободы, нельзя обойти вниманием такую ее характеристику как содержание. Содержательная наполненность свободы имеет субъективно-объективную природу. Она зависит от уровня развития субъекта, его потребностей и интересов, среды пребывания. Существует прямая связь между содержанием жизнедеятельности человека и содержанием его свобод. Нередко крайне сложно определить, какая из этих сторон является ведущей. Если исходить из дефиниции свободы, то в сферу ее содержания попадает все, чем занимается или желает заниматься индивид. Это содержание возникает на пересечении потребностей и интересов субъекта (получение образования, покупка автомобиля, поездка на отдых, общение и т.д.) и наличия или отсутствия условий для их удовлетворения. Наличие продуцирует свободу, а ее отсутствие – несвободу: политическую, финансовую, сексуальную, торговли, предпринимательства и т.д. Свобода – богатство человека. Ее объем и содержание – показатели данного богатства. Если разговор перевести в плоскость функционирования общества, то есть достаточно оснований утверждать, что общественный прогресс проявляет, реализует себя прежде всего в объеме и содержании тех свобод, которые имеют люди.

Свою давнюю историю имеет членение свободы на два вида: «свобода от» (эксплуатации, национального гнета, фальши, двойной морали и т. д.) и «свобода для» (созидания, продолжения рода, оправдания от клеветы и т. д.). Первую еще называют негативной, а вторую позитивной. Такая типологизация, безусловно, имеет право на существование. Правда, при более глубоком анализе становится очевидным, что выделенные виды – две стороны одного и того же: свобода от национального гнета – это свобода созидания независимого национального государства или национальной автономии. Негативная свобода превалирует тогда, когда слишком сильны внешние детерминанты, ее ограничивающие. И наоборот, позитивная свобода со всей силой заявляет о себе при наличии благоприятных условий, максимально способствующих реализации желаний и воли субъекта.